

Марсианин / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Марсианин / рассказ МАРСИАНИН

Я был поглощен работой, когда вошел мой слуга.

– Сударь, какой-то господин хочет вас видеть.

– Проси.

В следующую минуту вошел человек невысокого роста и поклонился. В очках, в большом, не по росту костюме, который висел мешком на его тщедушном, хилом теле, он походил на захудалого школьного учителя.

Пришелец пробормотал:

– Прошу прошения, сударь. Нижайше прошу прошения за то, что помешал вам.

– Садитесь, сударь, – отвечал я.

Незнакомец сел.

– Поверьте, сударь, – продолжал он, – я очень смущен своей бесцеремонностью. Но мне необходимо было кого-нибудь видеть, а, кроме вас, мне не к кому... не к кому обратиться... В конце концов я собрался с духом... Только, право же... я не смею.

– Почему же? Продолжайте, сударь.

– Дело в том, что как только я начну говорить, вы примете меня за сумасшедшего.

– Все зависит от того, о чем вы будете говорить.

– Признаться, то, что я вам расскажу, всякому покажется очень странным. Но умоляю вас, поверьте, я вовсе не сумасшедший, ведь я сам заявляю о необычности своего признания.

– Ну, хорошо, я вас слушаю,

– Нет, сударь, я не сумасшедший. Просто у меня несколько странный вид, какой бывает у людей, размышляющих больше других, и которым чуть-чуть, совсем чуть-чуть удалось переступить границы обычного мышления. Задумывались ли вы, сударь, нал тем, что в этом мире никто ни о чем не беспокоится? Каждый поглощен собственными делами, собственными удовольствиями, наконец, собственной жизнью или же забавными

глупостями вроде театра, живописи, музыки, политики – самой большой глупости из всех. Некоторых интересуют вопросы промышленности. Ну, а кто же думает? Кто? Да никто! Однако я заболтался. Простите! Вернемся к началу разговора.

Вот уже пять лет, как я живу здесь. Вы меня не знаете, зато я вас знаю прекрасно... Я никогда не смешиваюсь с публикой вашего пляжа или казино. Живу я среди скал и положительно восхищен утесами Этрета. Не знаю ничего более прекрасного, более полезного. Полезного для ума, я хочу сказать. Как прекрасна эта дорога между небом и морем, дорога, поросшая травой, бегущая по гигантской стене, над бездной! Я провел лучшие дни своей жизни, мечтая, растянувшись под лучами солнца на лужайке на высоте ста метров над краем обрыва. Вы меня понимаете?

– Да, сударь, вполне.

– А сейчас позвольте задать вам один вопрос.

– Пожалуйста.

– Вы верите, что другие планеты обитаемы?

Я ответил, не колеблясь и ничем не выказывая своего удивления:

– Ну, конечно, верю.

Моего гостя охватила неистовая радость. Он поднялся, потом снова сел, обуреваемый очевидным желанием обнять меня. Затем воскликнул:

– О! Какая удача! Какое счастье! Наконец-то я могу свободно вздохнуть! Как я только мог усомниться в вас? Разве можно назвать здравомыслящим человека, если он не верит, что существуют обитаемые планеты! Нужно быть круглым дураком, кретином, идиотом, скотиной, чтобы предположить, что миллиарды миров светят и вращаются лишь для того, чтобы развлекать и поражать такое глупое насекомое, как человек; чтобы не понять, что Земля – не больше, чем невидимая песчинка в пыли мироздания; что вся наша система – не более, чем несколько молекул звездной жизни, которым суждено скоро погибнуть! Посмотрите на Млечный путь, эту звездную реку, и подумайте о том, что это только пятнышко в бесконечном пространстве. Подумайте об этом хоть десять минут, и вы поймете, почему мы ничего не знаем, ни о чем не догадываемся, ничего не понимаем.

Нам известна только ничтожная частица вселенной. Мы ничего не знаем о том, что находится вне нас, вне пределов нашей досягаемости; но мы позволяем себе быть уверенными, утверждать!.. Ха-ха-ха!.. Каково было бы всеобщее удивление, если бы неожиданно раскрылась тайна великой жизни за пределами нашей Земли! Но нет... нет... Я тоже глупец. Ведь мы не разгадали бы эту тайну, ибо наш разум создан лишь для того, чтобы понимать земное. Наша мысль не может простираться далее; она имеет предел, как и наша жизнь; она прикована к этому крохотному шару, который носит нас; она судит обо всем лишь путем сравнения. Видите, сударь, насколько люди глупы, ограничены и все же уверены в могуществе своего ума, который едва превосходит инстинкт животных. Мы даже не способны замечать свои недостатки. Мы можем только разбираться в ценах на масло или хлеб. В лучшем случае мы сможем сравнивать достоинства двух лошадей, двух пароходов, двух министров или двух художников.

Вот и все. Правда, мы весьма искусно обрабатываем землю и кое-как используем ее недра. Едва научившись создавать машины, способные передвигаться, мы по-детски удивляемся каждому новому открытию, которое нам следовало бы сделать несколько столетий назад, будь мы существами более совершенными. Понадобились тысячи лет сознательной жизни, чтобы догадаться о существовании электричества. Неизвестность до сих пор окружает нас. Вы разделяете мое мнение?

– Да, сударь, – ответил я с улыбкой.

– Что ж, очень хороню. Теперь, сударь, скажите: интересовались ли вы когда-нибудь Марсом?

– Марсом?

– Да, планетой Марс.

– Нет, сударь.

– Разрешите сказать вам о ней несколько слов.

– Разумеется, сударь, буду очень рад.

– Вам, несомненно, известно, что миры нашей системы, нашей маленькой небесной семьи, созданы путем конденсации в сферы первоначальных кольцеобразных скоплений газов, отрывавшихся одно за другим от солнечной туманности?

– Конечно, сударь.

– Исходя из этого, можно заключить, что планеты, наиболее удаленные от Солнца, наиболее стары и, следовательно, наиболее цивилизованны. Вот последовательность их рождения: Уран, Сатурн, Юпитер, Марс, Земля, Венера, Меркурий. Допускаете ли вы, что эти планеты могут быть обитаемы, подобно Земле?

– Ну, конечно. Зачем же думать, что Земля является исключением?

– Прекрасно. Поскольку житель Марса более древен, чем обитатель Земли... Однако я забегаю вперед. Сначала я хочу доказать вам, что Марс обитаем. Марс для нас более удобен для наблюдения, чем Земля для марсиан. Океаны там занимают меньшую площадь, к тому же они более разбросаны. Их можно узнать по более темной окраске, поскольку вода поглощает свет, в то время как континенты его отражают. Поверхность Марса претерпевает частые изменения, что доказывает активность его жизни. Там тоже существуют времена года. В зависимости от них количество снега на полюсах то увеличивается, то уменьшается – таким же образом, как и у нас. Марсианский год очень долг, он составляет шестьсот восемьдесят семь земных дней или шестьсот шестьдесят семь марсианских. Из них сто девяносто один день приходится на весну, сто восемьдесят один – на лето, сто сорок восемь – на осень и сто сорок семь дней – на зиму. По наблюдениям, облачность на Марсе меньше, чем у нас. Должно быть, сильная жара чередуется там с чрезвычайным холодом.

– Прошу прощения, сударь, – прервал я его. – Мне кажется, поскольку Марс дальше от Солнца, чем Земля, то там всегда должно быть холодней, чем у нас.

Мой странный посетитель загорячился.

– Ошибаетесь, сударь! Ошибаетесь, решительно ошибаетесь! Ведь летом мы находимся гораздо дальше от Солнца, чем зимой. На вершине Монблана намного холодней, чем у подножия. А впрочем, я отсылаю вас к механической теории тепла Гельмоца и Скиапарелли. Теплота почвы зависит главным образом от количества паров, содержащихся в атмосфере. И вот почему. Абсорбирующая способность молекулы пара в шесть тысяч раз больше абсорбирующей способности сухого воздуха.

Следовательно, водяной пар – наше хранилище тепла, потому-то на Марсе, где облачность меньше, чем на Земле, переходы от очень высоких температур к температурам весьма низким гораздо резче, чем у нас.

– Больше я не спорю.

– И хорошо. А теперь прошу вас, сударь, выслушайте меня с особым вниманием.

– Я весь внимание.

– Слышали ли вы о знаменитом открытии, сделанном Скиапарелли в 1884 году?

– Очень мало.

– Возможно ли это? Так знайте, что в 1884 году, когда Марс, будучи в противостоянии, находился всего лишь в двадцати четырех миллионах лье от нас, Скиапарелли, один из крупнейших астрономов нашего столетия и опытнейший наблюдатель, неожиданно открыл на этой планете множество черных линий – прямых и ломаных, которые соединяли моря Марса, перерезая его континенты! Да, да, сударь, это каналы, это прямые каналы строгой геометрической формы, одинаково широкие на всем протяжении, каналы, построенные разумными существами! Да, сударь, вот вам доказательство того, что Марс обитаем, что там умеют видеть, мыслить, трудиться, что на нас смотрят – вы понимаете это? Понимаете? Двадцать шесть месяцев спустя, во время следующего противостояния, снова были замечены эти каналы. Их стало больше. Да, сударь, больше. И они были огромны, ширина их достигала ста километров. Я улыбнулся в ответ.

– Шириной в сто километров? Ну и здоровяки, должно быть, рыли их.

– О сударь! Что вы говорите! Вы забываете, что подобную работу на Марсе выполнить гораздо проще, чем на Земле, потому что плотность составных элементов планеты не превышает шестьдесят девятой доли плотности земных элементов. Сила же тяготения на Марсе едва достигает тридцать седьмой доли силы земного притяжения. Килограмм воды там весит всего триста семьдесят граммов!

Он произнес эти цифры с уверенностью и точностью коммерсанта,

знающего цену числам, так что я не смог удержаться от смеха и с трудом удержался, чтобы не спросить, сколько весят на Марсе сахар и масло.

Незнакомец покачал головой.

– Вы смеетесь, сударь. Приняв меня за сумасшедшего, вы теперь считаете меня глупцом. Но цифры, которые я вам назвал, вы найдете во всех специальных трудах по астрономии. Диаметр Марса почти наполовину меньше нашего. Его поверхность составляет всего двадцать шесть сотых поверхности Земли; объем его в шесть с половиной раз меньше объема Земли, и скорость двух его спутников доказывает, что он весит в десять раз меньше, чем мы. Следовательно, сударь, поскольку сила тяготения зависит от массы и объема, то есть от веса и расстояния от поверхности планеты до ее центра, то, несомненно, на Марсе существует состояние, приближающееся к невесомости; а это условие совершенно меняет там образ жизни, неизвестным нам способом определяет характер механических действий и служит причиной тому, что на планете преобладают крылатые существа. Да, сударь, на Марсе Царь природы имеет крылья.

Он летает, переносясь с одного континента на другой, словно призрак витает вокруг своей планеты, однако он не может проникнуть за пределы ее атмосферы.

Итак, сударь, представляете ли вы себе эту планету, с ее растениями, деревьями, животными, виды которых мы не можем и вообразить, планету, где обитают крылатые существа, подобные ангелам? Я вижу их, вижу мысленным взором, как они порхают над равнинами и городами в воздухе, пронизанном золотом Солнца. Прежде считали, что атмосфера Марса имеет красную окраску, подобно тому, как наша имеет голубую. Однако она желтая, сударь, хорошего золотистого оттенка.

Вы, верно, удивляетесь, как эти существа могли выкопать каналы шириной в сто километров? Тогда вспомните, чего достигла у нас наука всего за один век – только за один век... А ведь возможно, что обитатели Марса – существа более совершенные, чем мы.

Неожиданно мой гость замолчал, опустив глаза, затем пробормотал очень тихим голосом:

– А вот теперь вы наверняка примете меня за сумасшедшего... если я вам скажу, что вчера вечером мне почти удалось увидеть... Вы знаете, вернее, вы не знаете, что мы попали в полосу падающих звезд. Ежегодно в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое их можно видеть бесчисленное количество. Вероятно, в настоящий момент мы пересекаем след какой-нибудь сгоревшей кометы.

Так вот, я сидел на Ман-Порт, на этой скале, похожей на ногу шагающего в море колосса, и смотрел, как на мою голову сыплется дождь крошечных миров. Это зрелище, сударь, более забавно и красиво, чем фейерверк. И вдруг я увидел над собой, совсем близко, прозрачный светящийся круглый предмет, окруженный гигантскими движущимися крыльями. По крайней мере, в вечерних сумерках мне показалось, что я видел крылья. Предмет этот со странным и резким шумом метался из стороны в сторону, словно раненая птица. Казалось, кто-то задыхался, погибая. Этот предмет пролетел мимо меня. То был чудовищной величины хрустальный шар, наполненный обезумевшими и еле различимыми существами. Они были возбуждены, словно экипаж терпящего бедствие корабля, который потерял управление и стал игрушкой бурных волн. Неожиданно, описав огромную кривую, странный шар разбился, упав далеко в море, откуда до меня донесся шум его падения, похожий на пушечный выстрел.

Жители округи тоже слышали этот страшный удар, но приняли его за удар грома. Один только я все видел... да, видел... Если бы шар упал возле меня, мы бы узнали, что представляют собой жители Марса. Не говорите ни слова, сударь. Подумайте, подумайте хорошенько, а потом, если захотите, расскажите об этом людям. Да, я видел... Я видел первый воздушный корабль, первый звездный корабль, выпущенный в бесконечность мыслящими существами, если только я не был свидетелем гибели обыкновенного метеора, пойманного Землей. Не забывайте, сударь, что каждая планета преследует блуждающие в пространстве светила, подобно тому, как мы у себя ловим бродяг. Легкая и слабая Земля может остановить на пути лишь маленьких прохожих необъятной вселенной.

Мой странный гость поднялся, в волнении, почти в бреду, и широко раскинул руки, словно очерчивая путь звезд.

– Кометы, сударь, которые бродят возле границ гигантской туманности, чьей конденсацией является наша Земля, – эти кометы, свободные, светлые птицы, из глубин бесконечности стремятся к Солнцу.

Таща за собой гигантский хвост света, они летят, они несутся, влекомые к ослепительной планете, настолько убыстря свой безумный бег, что не могут соединиться с ней. Едва ее задев, они устремляются назад, в пространство, отброшенные силой столкновения.

Если же во время своих путешествий они проносятся вблизи какой-нибудь крупной планеты, если они почувствуют, отклоняясь от своего пути, ее непреодолимое притяжение, то тогда они подчиняются своему новому повелителю, который с этой поры держит их в плену. Их бесконечная парабола превращается в замкнутую кривую. Зная величину этой кривой, мы можем рассчитать момент возвращения периодических комет. У Юпитера, – восемь планет-рабов, у Сатурна – одна, Нептун тоже имеет в своей орбите планету, которая, в свою очередь, обладает спутником и целой армией блуждающих звезд. Итак... Итак... возможно, я просто видел, как Земля поймала маленькую блуждающую звезду...

Прощайте, сударь. Не отвечайте мне, не нужно! Но подумайте, подумайте и расскажите когда-нибудь обо всем этом людям, если вам будет угодно...

Я так и сделал, ибо этот чужак показался мне менее глупым, чем какой-нибудь рантье.

* * *

Напечатано в Литературном приложении к «Лантерн» 10 октября 1889 года.

Гельмоц (Helmotz) – вероятно, с искажением напечатанное имя знаменитого немецкого ученого Гельмгольца (1821 – 1894).

Скиапарелли (1835 – 1910) – известный итальянский астроном.

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10. Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958 Nekaýalar